

СТАРОЕ И НОВОЕ В ГОМЕРОВСКОМ ЭПОСЕ: ПОЭТИКА СНОВИДЕНИЙ

Тамара Федоровна Теперик

МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

teperik@mail.ru

Сновидения — один из традиционных мотивов в эпических жанрах античности, как поэтических, так и прозаических, от самого раннего памятника — гомеровских поэм — до биографий Плутарха. Интересно, что уже в эпосе Гомера присутствуют не одна, как, например, в трагедии (Теперик 2019), а две тенденции в изображении снов, одну из которых можно условно обозначить как старую, архаическую, в то время как в другой присутствуют новые, более современные черты. Различаются они и по функции. Так, например, функция снов первого типа состоит во влиянии на сюжет, на действия персонажей, причем, как правило, этим персонажем оказывается один из главных героев поэмы, Ахилл или Агамемнон, Пенелопа или Навсикая. Навсикая, правда, не является главной героиней поэмы, тем не менее и ее влияние на сюжет есть, так как именно от ее действий зависит, попадет ли Одиссей во дворец царя феаков или нет, и соответственно, доберется ли он в итоге до своей родины, Итаки. Для чего ему нужен корабль, а корабль ему может предоставить только царь феаков Алкиной, отец Навсикаи. На оказание помощи страннику, под видом которого Одиссей появляется перед царевной, сновидение, казалось бы, напрямую не влияет. Однако именно благодаря сну и происходит встреча Одиссея и Навсикаи на берегу моря, а само сновидение, о чем слушателю поэмы становится известным, послано богиней Афиной под видом подруги Навсикаи, дочери Диманта, явившейся Навсикае во сне (Od., VI, 13–51). Итак, в сновидении, как и в «Илиаде» (II, II, 8–42), действует божество, оно меняет свой облик, в сне Пенелопы из 4-ой песни «Одиссеи» (Od., IV, 786–841), где та же Афина явится царице Итаки во сне, принимая вид ее сестры, Ифтимы. Хотя функция этого сна Пенелопы состоит в том, чтобы повлиять не столько на действия, сколько на чувства сновидца, этот сон также относится к снам первого, архаического типа. Пенелопа находится в на-

столько подавленном состоянии, как из-за долгого отсутствия Одиссея, так и из-за опасного путешествия, предпринятого ее сыном, Телемахом, что божеству приходится ее успокоить, чтобы она не совершила ошибок в беседах с женихами ли, с предательницами служанками ли, а позже еще и с новым гостем, странником, под видом которого Одиссей появится в собственном доме. В снах первого, раннего типа действуют не только боги, меняющие свой облик, но и умершие, которые ни в «Илиаде», ни в «Энеиде» свой облик не меняют (Теперик 2008: 151–153), как например, в сновидении Ахилла. Ему во сне явилась душа его убитого Гектором друга, Патрокла, с просьбой наконец приступить к погребению, поскольку душа тела, над которым не совершены погребальные обряды, не может найти успокоения в Аиде (II, XXIII, 59–109). Сам Гектор явится в «Энеиде» Энею с советом немедленно покинуть Троию (Aen., 270–302). И хотя в типологии описания этого сновидения можно увидеть аллюзию на «Илиаду», поэтика снов в «Энеиде», где реализованы черты римского классицизма, в сравнении с гомеровской принципиально иная (Теперик 2008: 157–160). Итак, отрицать влияние на сюжет снов Пенелопы и Навсикаи нельзя, но можно ли то же самое сказать о последнем сне Пенелопы в «Одиссее»?

В отличие от снов первого типа, где о них сообщал автор, здесь о своем сновидении рассказывает сам сновидец, то есть Пенелопа. Она просыпается в слезах от смутившего ее сна и просит богиню Артемиду облегчить ее участь. Интересно, что об этом сне слышит и Одиссей, который не может уснуть, беспокоясь о предстоящей схватке с женихами. Его Афина успокоит, пообещав свою помощь, но важно, что Одиссей из рассказа Пенелопы о своем пугающем сне решил, что был ею узнан (Od., XX, 92–95)¹, хотя явился под видом странника, и облик его был изменен. Чего же так испугалась Пенелопа? Здесь мы имеем дело с тем единственным у Гомера случаем, когда требуется толкование, поскольку смысл сна не вытекает так однозначно из его содержания, как это имело место в снах первого, раннего типа. Это связано с тем, что здесь присутствуют не слова, не речь фигуры сновидения, а образы. Кроме того, типология описания другая. Пенелопа говорит об этом сне в утренней молитве богине Артемиде, но ее слышит и Одиссей, который не спит, обдумывая предстоящее сражение с женихами. Почему же Пенелопа

¹ «Жалобы плачущей в слух Одиссея входили, и, слыша // Их, он подумал, что ею был узнан» (пер. В.А. Жуковского) (Гомер 2000: 212).

просыпается вся в слезах? Что такого страшного увидела она во сне? А снилось ей, что ночью рядом с ней был некто, похожий на Одиссея: «Мне божество посылает лишь дурные сны. Спал этой ночью со мной рядом некто, похожий на Одиссея, каким он был тогда, когда уходил с войском. Радовалась я, думая, что это не сон, а правда»² (Od., XX, 87–90). Конечно, можно понять этот сон всего лишь как реализацию желаний Пенелопы, и в таком случае отчаяние героини объясняется постигшим ее разочарованием между тем, что она видела во сне, и явью. Она не доверяет своему сну, воспринимая его как сон обманчивый, ложный, что согласуется со сказанными ею раньше словами о том, что не всякий сон сбывается, есть сны, сулящие правду, а есть ложные, обманчивые (Od., XIX, 560–561). Мнение о двойственной природе сновидений пройдет через всю античную традицию, оно встретится и у Вергилия, но впервые высказано Пенелопой (Ермолаева 2002). Если обратить внимание на тот факт, что Пенелопе снится все-таки не Одиссеем, а лишь кто-то похожий (*eikelos*) на него, тогда этот сон — реализация страхов Пенелопы, заключающихся в том, что она может принять за Одиссея кого-то другого. Что это именно так, следует и из сцены узнавания, где показано, что Пенелопа не готова принять героя, отомстившего женихам, пока он не представит ей доказательства, что является именно Одиссеем. И только после того, как Одиссеем раскроет Пенелопе тайну их ложа, сделанного из древней оливы (Od., XXIII, 183–204), она его признает. Таким образом, в этом последнем сновидении представлена позднеархаическая техника изображения снов, где реализована психологическая семантика, поэтому и типология описания не обнаруживает соответствий со снами первого типа, где реализована другая, более древняя техника изображения. Ее можно условно обозначить как раннеархаическую. И хотя эти две тенденции, ранняя и поздняя, касаются не только снов, как отмечают исследователи гомеровского эпоса, но и различных реалий, деталей предметного мира, сравнений и т.д. (Гордизиани 1975; Ярхо 2001), важно, что одно из первых в мировой литературе пониманий психологической природы снов встречается уже у Гомера. Эпический поэт, изображая события далекого прошлого, все же был причастен и к веяниям новой, современной ему культуры, этим и объясняются две различные техники изображения снов, более древняя и более новая.

² Перевод наш. — Т. Т.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гордезиани 1975 — *Гордезиани Р. В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1975.
- Гомер 2000 — *Гомер.* Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. Изд. подг. В. Н. Ярхо. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., Наука, 2000.
- Ермолаева 2002 — *Ермолаева Е. Л.* О ложных снах, слоновой кости и глаголе *elephairomai* (Od., 560–569) // *Philologia classica*. 2007. Вып. 7. С. 3–24.
- Теперик 2008 — *Теперик Т. Ф.* Поэтика сновидений в античном эпосе. На материале Гомера, Аполлония Родосского, Вергилия, Лукана. Дисс. ... докт. филол. н. М., 2008.
- Теперик 2019 — *Теперик Т. Ф.* Фантастическое в сновидениях античности: эпос и трагедия // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2019. С. 13–20.
- Ярхо 2001 — *Ярхо В. Н.* Поэмы Гомера: фольклорная традиция и индивидуальное творчество // *Ярхо В. Н.* Древнегреческая литература. Эпос. Ранняя лирика. М.: Лабиринт, 2001. С. 57–126.